

ВОКРУГ ФИЛЬМА

Благие знамения

Мне стоило разлучить мир до последнего раба
того, чтобы один из, оправдано ли он встретил

НИЛ
ГЕЙМАН

БЛАГИЕ ЗНАМЕНА О КОНЦЕ СВЕТА

КАК СДЕЛАТЬ «ОМЕН» ДОБРЫМ

Нил Гейман

Благие знамения о конце света.

Как сделать Омен добрым

Серия «Вокруг фильма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74326331

Благие знамения о конце света. Как сделать «Омен» добрым:

ISBN 978-5-00269-550-8

Аннотация

Имя английского писателя и сценариста Нила Геймана давно стало брендом, он завоевал огромное количество поклонников по всему миру своими романами, фильмами и комиксами. «Звездная пыль», «Песочный человек», «Люцифер» и, конечно, «Благие знамения» как блистательная пародия на «Омена» – названия его произведений, ставших культовыми фильмами. Но что за человек стоит за этими проектами? Как молодой журналист, от безденежья взявшийся за написание биографии рок-группы «Дюран-Дюран», прошел свой путь к славе и топовым продажам? А потом – ко всеобщей обструкции и изгнанию из западного литературного общества? Как самые известные английские писатели анонимно подрабатывают написанием новеллизаций голливудских блокбастеров? И почему из огромного творческого наследия кумира Н. Геймана Алана

Милна в памяти мирового читателя осталась лишь повесть о забавном медвежонке Винни-Пухе?

О жизни, о литературе и киноиндустрии Нил Гейман рассказывает в этой книге.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Уроки творчества	6
Заговор Гарри Поттера	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Нил Гейман
Благие знамения
о конце света
Как сделать
«Омен» добрым

© Гейман Н., 2026 © Мзареулов В. К., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Уроки творчества

Writers & Artists

27 июля 2012 г.

Автор бестселлеров Нил Гейман уже давно входит в число ведущих авторов современных комиксов, а также книг для читателей всех возрастов. В «Словаре литературной биографии» он входит в десятку лучших ныне живущих постмодернистских писателей и является плодовитым автором прозы, поэзии, фильмов, публицистики, комиксов, текстов песен и драмы. Он говорит, что всем этим обязан чтению «Ежегодника писателей и художников» в молодости.

– Почему вы пишете?

– Не думаю, что я умею что-то, кроме этого. Да мне уже и слишком поздно чему-то учиться.

– Какими еще писателями вы восхищаетесь?

– Питер Штрауб. Джонатан Кэрролл. Диана Уинн Джонс. Майкл Чабон. Рэмси Кэмпбелл. Дэниел Пинкуотер. Поппи З. Брайт. Роберт Най... знаете, я мог бы перечислять неделями.

– Когда вы впервые поняли, что станете успешным писателем?

– Смотря что считать успехом. Не уверен, что есть большая разница между радостью, когда я впервые получил чек за то, что я написал (на 80 фунтов стерлингов от журнала SHE), и радостью, когда моя книга впервые попала на первое место в списке бестселлеров «New York Times»... а за это время я вырастил семью и накормил ее одними лишь словами.

– Есть ли у вас агент? Если да, то как он вам помог?
– У меня есть Меррили Хейфец в Нью-Йорке, в агентстве «Writers House». Она продала американские права на

мою книгу «Без паники! Дуглас Адамс и “Путеводитель для путешественников по галактике автостопом”» от имени британского издательства за гораздо большую сумму, чем мы ожидали. Поэтому, когда я был в Нью-Йорке по делам «DC Comics», я пообедал с Меррили, чтобы поблагодарить ее, и к концу ужина у меня появился агент. Она была чудом, волшебством и очень хорошей находкой. Когда пришло время заключить настоящий книжный контракт, она взяла и заключила для меня контракт на три книги, который был всем, чего я хотел, и с тех пор она стала гласом здравого смысла и разума.

– Опишите рабочий день. Как вы пишете?

– Когда я пишу роман, я, вероятно, встану утром, проверю электронную почту, возможно, напишу в блоге, разберусь с экстренными ситуациями, а затем буду отлынивать от работы над книгой где-то до часа, но когда все же возьмусь, то остановлюсь около 18:00. Пишу от руки, держась на безопасном расстоянии от компьютера. Если же я пишу не роман, то никакого расписания нет, и сценарии, вступления и все такое могут быть написаны в любое время и на чем угодно.

– У вас когда-нибудь случается творческий кризис?

– Я застреваю на чем-то. И ленюсь. И устаю. Но я не верю в «писательский кризис». Я пытаюсь справиться с застоем, работая над несколькими делами одновременно. И к сведению, даже сотня матюков, которых раньше не было, – это прогресс.

– **Вы когда-нибудь получали отказ от агента или издателя?**

– Сейчас все наоборот: я переживаю, что то, что, возможно, следовало бы отклонить, все равно оторвут с руками, потому что там же мое имя на обложке. В последний раз, когда мой рассказ отклонили, я перечитал его, решил, что он мне понравился и в нем нет ничего плохого, поэтому перепечатал титульный лист, подождал пару недель и отправил обратно с пометкой «Надеюсь, вам понравится переписанный вариант», и редактор с радостью его купил. Но это было давно, когда еще были пишущие машинки – сейчас я бы печатал другим шрифтом.

– **Какой совет вы дадите начинающему писателю?**

– Пишите. Заканчивайте книгу. Публикуйте. А пока ждете ее публикации, пишите следующую.

Заговор Гарри Поттера

January magazine, Линда Ричардс

Август 2001

– В британской прессе много говорят о том, что Джоан Роулинг «заимствовала» у вас идеи для своих книг о Гарри Поттере. Не могли бы вы это прокомментировать?

– В прошлом году газета «The Scotsman» – изначально шотландская, а Дж. К. Роулинг тоже шотландка – и, поскольку англичане склонны унижать своих кумиров, они продолжали выдумывать истории о том, что Дж. К. Роулинг списала с Нила Геймана. Они продолжали связываться со мной, но я не стал в это играть, считая это глупостью. А потом английская «The Daily Mirror» опубликовала статью о той сумасшедшей женщине, которая пыталась подать в суд на Дж. К. Роулинг за то, что та украла у нее маглов. И они закончили статью фразой, мол, Нил Гейман тоже обвинил ее в воровстве.

К счастью, я нашел это в интернете, по чистой случайности – в ту же ночь, когда это вышло в свет. Адрес электронной почты репортера был в конце статьи, поэтому я отправил ему письмо: «Это неправда, я этого не говорил. Вы все выдумываете». Мне ответили письмом с извинениями, но к

следующему утру, когда я его получил, статья уже была в напечатана в свежей «The Daily Mail», и стало совершенно очевидно, что расследование «The Daily Mail» заключалось в прочтении «The Daily Mirror». И вы еще говорите, что журналисты ленивые.

– **И что же именно она у вас украла по их версии?**

– Персонаж моих «Книг магии», которые вышли в 1990 году, Тим Хантер – маленький темноволосый мальчик в больших круглых очках. Да-да, вы правильно догадались – двенадцатилетний английский мальчик. А еще у него был потенциал стать самым могущественным волшебником в мире. И маленькая сова сипуха.

– **Так что общие черты, конечно, были.**

– Ну да, и как я, наконец, разозлившись, указал на это одному английскому рецензенту, который попытался начать все заново, я сказал: «Смотрите, все, что у них общего, настолько очевидно поверхностно, что, если бы она действительно воровала, именно это и следовало бы изменить в первую очередь. Сменить цвет волос с каштанового на светлый и очки убрать, ну, знаете, что-то в этом роде».

– **Поменять сову на геккона.**

– Да. Или сапсана. И я ей сказал, что, по-моему, мы оба просто ворует у Т.Х. Уайта: очень прямолинейно. Но потом я увидел онлайн-интервью с той сумасшедшей магловской теткой, где ее спрашивали обо мне и говорили: «А как насчет Нила Геймана?» А она ответила: «Ну, его уже достали».

[Смеется].

– **Заговором Гарри Поттера? [Смеется]**

– Я думаю, да.

– **Где вы сейчас живете?**

– В Миннеаполисе.

– **Почему?**

– Моя жена американка, вся ее семья живет в Миннеаполисе. Мы решили, что пора переехать, чтобы ее семья могла познакомиться с детьми, и мы туда переехали. А еще я очень хотел дом в стиле семейки Аддамс. Я подумал, знаете ли, если уж уезжать из Англии в Америку, то я хочу что-то из того, что может предложить только Америка, и одним из таких мест являются дома семейки Аддамс.

– **И ваш дом такой?**

– Да, конечно. Да, с большой остроконечной башней и крыльцом по всему периметру. Весело. Странно только, что дети не приходят просить сладости на Хэллоуин. Каждый год мы покупали сладости и все такое и ждали, но они так и не пришли.

– **У него репутация дома с привидениями?**

– Не знаю. Кто-то однажды сказал мне, что кто-то действительно повесился в башне, но я нигде больше не смог найти об этом никаких упоминаний, так что подозреваю, что, скорее всего, это не так.

– **Как долго вы там живете?**

– Лет девять.

– **Значит, это повлияло на ваше творчество. Думаю, это дало начало «Американским богам».**

– Стопудов, именно из этого и вышли «Американские боги»: из открытия того, что Америка – гораздо более сложное место, чем я думал, и что Средний Запад – еще сложнее. В одной сиеэтлской газете была рецензия, в которой говорилось, как странно, что Средний Запад в романе прорисован гораздо лучше, чем сцены в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке. Вероятно, потому что в романе 500 страниц Среднего Запада, около 80 – Нью-Йорка и, вероятно, около 80 – Лос-Анджелеса. Но еще и потому, что, как мне кажется, все знают Нью-Йорк. Все знают Лос-Анджелес. Не так уж много нужно рисовать. В то время как никто никогда не писал о странных местах Среднего Запада. Так что в этом был свой кайф.

– **Американского оказалось больше, чем вы ожидали? Вы были удивлены?**

– Мне потребовалось на это пара лет. Под поверхностью творились действительно интересные вещи. В итоге приходится сначала разобраться в истории, а потом выяснять, кто откуда пришел, что делал, что происходило в экономике и каковы были культурные особенности, а потом возвращаться к истории. И это, опять же, то, что я пытался включить в роман.

– **Сколько у вас детей?**

– Трое. Одному только что исполнилось 18, другому – 16, а третьему – семь.

– **Двое старших – англичане?**

– Ну да. Но у них у всех двойное гражданство. Два комплекта паспортов.

– **Думаю, «Песочный человек» изменил весь жанр. Или, возможно, даже создал свой собственный. В любом случае, это очень важно.**

– Не знаю, до какой степени. В то время, когда я этим занимался, я очень надеялся, что это изменит что-то в комиксах. Оглядываясь назад, я не думаю, что это слишком много. Это сделало очень много для Песочного человека в том смысле, что комиксы все еще существуют, они все еще продаются по 80 000 экземпляров в год, из года в год в одной только Америке. Но я определенно надеялся, что произойдет то же самое, что произошло, когда я прочитал, что Алан Мур делал в «Болотной твари». Я подумал: «Ну, погодите. Вот кто-то пишет для взрослых и пишет это с такой же фантазией, живостью и глубиной, как и все остальное в любом другом жанре». Я не думал, что хочу написать «Болотную тварь». Я хотел создать такое же, но свое. Будет интересно посмотреть, начнет ли через несколько лет поколение, выросшее на «Песочном человеке», создавать более литературные и более интересные комиксы.

– **Я думаю, что это происходит.**

– Ну и хорошо.

– **То есть, складывается впечатление, что каждый раз, когда выходит новый заметный комикс, его обя-**

зательно сравнивают с «Песочным человеком».

– Думаю, это хорошо. Будет очень интересно посмотреть, куда будут развиваться комиксы в ближайшие пару десятилетий. Успех книги Джимми Корригана меня очень воодушевил, как и тот факт, что эта книга получила рецензию просто так. И никто, конечно же, не подумал: «О, мы уже рецензировали комиксы два года назад, нам не нужно рецензировать это». Я подумал, что это действительно хорошо и очень важно.

– Для меня комиксы – это всего лишь носитель. И форму комикса я считаю их самой сильной стороной.

– Куда бы вы хотели их направить?

– Я просто хочу, чтобы это было одним из многих средств. Я хочу, чтобы это было коммерчески жизнеспособным средством, потому что я очень переживаю, что комиксы могут повторить судьбу поэзии. Если их коммерческий успех продолжит падать... Я говорю о поэзии в том смысле, знаете ли, Байрон выпускал стихотворение, и все его читали. Киплинг выпускал сборник стихов, и все его читали, читали стихи, цитировали их друг другу, знали их, и эти вещи читали. В наши дни поэзию пишут очень немногие люди, которые по сути своей увлечены, для очень немногих людей, которые по сути тоже увлечены и хотят видеть, что делают другие. И я сомневаюсь, что есть сборник стихов, выходящий чаще, чем раз в десятилетие, который мог бы финансово поддерживать своего автора, несмотря на премии Гуггенхайма, Пулитцера

и все такое. И есть несколько блестящих поэтов, но, в конце концов, все свелось к тому, что любители обмениваются [стихами], и существуют небольшие поэтические журналы, которые другие поэты покупают в надежде, что их стихи попадут в них. Я очень надеюсь, что комиксы не пойдут по этому пути. Думаю, было бы очень печально, если бы комиксы действительно пошли по этому пути. И я вижу, как это происходит. Если читательская база станет достаточно узкой, если комиксы станут чем-то, что создают люди, которые рисуют комиксы, для людей, которые рисуют комиксы... я думаю, это будет печально.

– **«Песочный человек» – твой ориентир. Все, что ты делал с тех пор, сравнивают с «Песочным человеком». Что ты думаешь о «Песочном человеке» спустя столько лет?**

– Это самое масштабное произведение в моей жизни. Люди говорили, например, о «Звездной пыли»: «Ну, она великолепна, но это не “Песочный человек”». А я отвечал: «Ну, на “Песочного человека” у меня ушло семь лет, в нем 2000 страниц, больше 10 томов, он огромный. Насколько мне известно, невозможно переплести весь “Песочный человек” в одну книгу, потому что он был бы размером с семейную Библию, и его невозможно было бы читать и переплетать. В “Звездной пыли” едва ли 60 000 слов. Почему вы их сравниваете?» [Смеется]

Я доволен «Американскими богами». Они не такие мас-

штабные и сложные, как «Песочный человек», отчасти потому, что на их написание у меня ушло два года, а не семь-восемь. Но, думаю, это первое мое произведение, которое действительно может составить конкуренцию «Песочному человеку».

– Это совсем другое дело. Это большой старый роман. Сколько слов?

– 187 000 слов.

– Считаете ли вы, что это ваша самая важная работа на сегодняшний день?

– Я никогда не уверен до конца, что важно, и не уверен, что авторам положено знать, что важно. И я не уверен, что кто-то может принять решение о важности всего этого лишь спустя долгое время.

1930 год. Вероятно, самым выдающимся английским эссеистом был А.А. Милн. Редактор журнала «Punch», прославившийся своими комедийными эссе и человек, несколько пьес которого шли в Вест-Энде одновременно. Человек, у которого были бестселлеры вроде «The Holiday Round» и уморительные сборники эссе и зарисовок. Один из самых смешных писателей своего поколения и опытный драматург. Несколько месяцев назад я просто из интереса зашел на Amazon, чтобы посмотреть, что же из его произведений на самом деле было напечатано. Там оказалось 700 книг: все они, как я видел, были вариантами изданий двух книг о Винни-Пухе и двух сборников детских юмористических стихов.

И это все, что нам осталось от А.А. Милна, и он в лучшей форме, чем большинство его современников, чьи имена мы совсем не помним. Я не могу назвать другого величайшего драматурга 1930-х годов, потому что мы не знаем, кто это был, а если я назову его имя, вы не поймете, о ком речь. Дело в том, что эти две книги детских рассказов и два сборника детских стихов – именно то, что потомки, справедливо или нет, сочли важным напоминанием о деяниях А.А. Милна.

На самом деле, это неправда: есть еще одна книга, по которой мы его помним. Его попытка возродить что-то забытое, которая, опять же, сработала блестяще. До такой степени, что мы даже не знали, что это когда-либо было забыто. Он написал «Жабу из Тоуд-Холла» как пьесу, потому что любил «Ветер в ивах» Кеннета Грэма и был в ярости от того, что ее забыли. Книга Кеннета Грэма вышла и оказалась полным провалом. Две другие книги Кеннета Грэма – «Дни грез» и «Золотой век» – сейчас напрочь забыты. Портреты ребенка в ранние эдвардианские, ранние викторианские времена – были подхвачены и любимы эдвардианцами как прекрасные, сентиментальные портреты детства. Это были бестселлеры Грэма. А «Ветер в ивах» оказался провалом: о нем забыли до такой степени, что А.А. Милн в 1920-х годах написал эссе, в котором говорил: «Позвольте мне рассказать вам об одной из лучших книг в мире, о которой вы никогда не слышали». Она называлась «Ветер в ивах», и Милн подхватил ее и сделал «Жабу из Тоуд-Холла», театральную

адаптацию, которая затем возродила книгу до такой степени, что теперь она считается одной из величайших детских классических произведений. И если я разглагольствую об этом, я также разглагольствую о том, что если бы Милн не был большим поклонником этой книги, нет особых оснований полагать, что «Ветер в ивах» стал бы той классикой, которую мы знаем.

Вполне возможно, что через 100 лет люди скажут: «Знаете того парня, который написал книгу “День, когда я обменял папу на двух золотых рыбок”? Он и все остальное тоже написал?» И люди скажут: «Нет».

– И парень, который написал биографию «Дюран-Дюран».

[Смеется] – Я не могу представить, чтобы это когда-нибудь стало...

– Но вы все-таки написали биографию группы?

Да-да. Так поступают 22-летние журналисты, когда кто-то предлагает им деньги. Это было здорово. Я не только оплатил аренду, но и купил себе электрическую пишущую машинку благодаря этой биографии.

– Когда это было?

– Кажется, я написал ее в 1984 году, а опубликована она была в 1985-м. Забавно, конечно, что она вышла, когда они еще были на пике популярности, и мгновенно стала небольшим бестселлером. Первый тираж разошелся за считанные дни.

– **Забавно. Значит, вы не просто купили электрическую пишущую машинку. Вы еще и линолеум купили.**

– Нет. Не купил. Прежде чем вышел второй тираж, издательство обанкротилось. «Proteus Books». Вот и все. И это было действительно хорошо, на самом деле. Оглядываясь назад, я понимаю, что получил аванс. Я получил свои 2000 фунтов стерлингов авансом. Но я так и не получил никаких гонораров, которые должен был получить, и это так и не принесло мне денег, а это означало, что мне нужно было остановиться и подвести итоги. И я подумал: «Ладно, вот я здесь, и я потратил несколько месяцев на написание книги, которую мне бы не хотелось читать. Не думаю, что когда-нибудь сделаю это снова». И я усвоил урок, о котором время от времени вселенная сговорчиво напоминает мне. Это как мой единственный урок, и если бы кто-то, описывая мою жизнь как одну из таких комедийных трагедий, указал на это как на одну из тех повторяющихся тем, которую ему нужно время от времени напоминать: всякий раз, когда я что-то делаю ради денег...

Всякий раз, когда я делаю что-то, потому что хочу это делать, потому что это кажется забавным или интересным и так далее, и тому подобное, это почти всегда работает. И почти всегда это в конечном итоге окупается. Но всякий раз, когда я делаю что-то ради денег, это не только оборачивается головной болью и болью в шее и сопровождается всякими пакостями, но я обычно еще и денег не получаю. Так что,

через некоторое время, вы как бы начинаете учиться просто забывать о вещах, когда люди приходят к вам и размахивают огромными пачками денег перед вами. Выбирайте то, что кажется интересным, потому что, даже если все развалится, вы извлечете из этого интерес. А в противном случае вы обычно не получите в итоге абсолютно ничего.

Самое лучшее в книге о «Дюран-Дюран» было то, что я владел авторскими правами на нее, а компания обанкротилась, и позже ее купил кто-то другой. Он написал мне письмо: «Мы хотим снова выпустить ее в печать». Мне пришлось сказать: «Нет, спасибо».

– **Вы были рок-журналистом?**

– Нет, я был просто журналистом. Рок-н-ролльный эпизод случился, потому что у меня был друг по имени Ким Ньюман, с которым я уже писал книгу «Невероятно страшно». А Ким писал для этих людей книгу «Кошмарные фильмы», и он упомянул меня как человека, способного писать. Мне позвонили из «Протеуса» и сказали: «Итак, у нас есть три книги, которые нужно написать очень, очень срочно. Выберите одну». Я сказал: «Отлично. Какие?» Они предложили «Дюран-Дюран», Барри Манилоу и «Деф Леппард». Я решил, что «Дюран-Дюран» сделали гораздо меньше. Барри Манилоу... Я подумал, что мне придется послушать, ну, вы знаете, 40 альбомов Барри Манилоу.

Я до сих пор не включаю книгу «Дюран-Дюран» в биографии, больше ради развлечения, чем для чего-либо еще, но

однажды в 1996 году я был – из-за серии странных совпадений – на яхте в Средиземном море с Саймоном Ле Боном¹ в составе экипажа. Саймон любит ходить под парусом. Он большой фанат кругосветных яхт и всего такого. Он приехал как временный член экипажа на неделю, а я был пассажиром, сухопутной крысой. Мы закорешились, много болтали, и где-то на третий день я подумал: «Я не могу держать это в себе, я должен это сказать». Ну, я и сказал:

– Слушай, я должен тебе рассказать. Я однажды написал биографию “Дюран-Дюран”.

– Какую?

– Proteus.

– Та, в серой обложке? Нам она понравилась, она была здорово.

– То есть вы с ним не встречались? Это не была биография, где вы полгода гастрوليруете с группой или что-то в этом роде?

– Нет. Это была биография, где ты приходишь на «Би-Би-Си» и говоришь: «Алло, библиотека газетных вырезок ”Би-Би-Си”? Я хотел бы заказать все, что у вас есть со словами ”Дюран-Дюран”». Ты платишь 150 фунтов за все их фотокопии, забираешь все это, собираешь все эти газетные вырезки и записываешь в книгу. И слушаешь альбомы.

Еще одно, что я узнал тогда, – это то, что очень многие мои друзья были писателями в Лондоне. Писатели могут

¹ Вокалист «Дюран-Дюран» с 1980 г.

быть одинокими, но они также склонны собираться вместе: им нравится проводить время в одиночестве. Я знал многих лондонских писателей, и многие из них были удостоенными наград, а многие – уважаемыми писателями, удостоенными наград. Проблема же в том, что будучи удостоенным наград уважаемым писателем, ты, скорее всего, не зарабатываешь на жизнь.

Если вы пишете одну хорошо рецензируемую, уважаемую, неплохо продаваемую, но не входящую в список бестселлеров книгу каждые три года, которую вы продаете за колоссальные 30 000 фунтов стерлингов, это все равно будет в среднем равняться 10 000 фунтов стерлингов в год, и вы заработаете больше, управляя Макдоналдсом. Со сверхурочными уж точно больше. Так что это были невероятно уважаемые, отмеченные наградами корифеи, которые, чтобы свести концы с концами, писали новеллизации фильмов и сериалов под псевдонимами, которых они отчаянно стеснялись и не хотели, чтобы кто-то знал о них. Знаете, в этой тусовке шепотом передается своего рода секретное знание: «вы знали, что такой-то написал эту книгу о несчастных случаях? На самом деле ее написал такой-то, понимаете?» И, когда я стал писателем, стало совершенно очевидно, что эти люди продавались – и я действительно считаю это продажностью, потому что они брали псевдонимы, потому что не хотели их признавать – за 1800 фунтов стерлингов за книгу. За 2000 фунтов стерлингов за книгу. За 2500 фунтов стер-

лингвов за книгу. Тогда я подумал: беда не в продажности. Беда в том, что эти люди продаются по дешевке. Знаете, если уж продаваться, то за миллион долларов. За 10 миллионов. Не продавайтесь до такой степени, чтобы смотреть на себя в зеркало и думать: «Боже мой, какой же я халтурщик. Зачем я это делаю за 2000? За 1500? Ради всего святого!»

Существует странная и замечательная альтернативная история лондонского литературного мира 1970-х и 1980-х годов, и, насколько я знаю, 1990-х годов, когда вы могли бы пойти и сказать: такой-то известный писатель написал такой-то эпизод новеллизации или такой-то человек написал «Горца III», и вы могли бы пойти и во всем этом разобраться.

– Кстати о распродажах: я слышал, что «Благие знамения» экранизируют. [Смеется] Не слишком ли ужасно это звучит? Но я хотел, чтобы касса была в самом конце.

– Думаю, это прекрасный, но очень удачный переход. А все потому, что в течение десяти лет у нас с Терри Пратчеттом был неудачный опыт с этим фильмом в самом начале. А потом мы восемь лет, девять лет просто говорили «нет». Каждые два-три месяца появлялась какая-нибудь крупная голливудская компания, прочищала горло и говорила: «Мы хотим купить «Благие знамения». Ожидая, что мы скажем: «Аллилуйя! Дайте нам денег». А мы отвечали: «Нет, спасибо». А они отвечали: «Нет, серьезно. Мы серьезно». Мы действительно хотим купить «Благие знамения» и дать вам де-

нег, а мы отвечали: «Пожалуйста, отвалите».

Это продолжалось долгое время, пока Сэмюэлсоны не пришли и не сказали: «Послушайте, мы хотим снять «Благие знамения», потому что это то, о чем мы чувствуем, и, кроме того, мы ведем переговоры с Терри Гиллиамом и хотим, чтобы Гиллиам написал сценарий и срежиссировал фильм». В этот момент мы с Терри [Пратчеттом] сказали: «Конечно. Давай». Мы взяли значительно меньше, чем нам предлагали многие из тех, кому мы отказали, потому что нам нравилась идея, чтобы это сделал Терри Гиллиам. Если кто-то и будет делать «Благие знамения», то я хочу, чтобы это был Гиллиам. И тогда люди спрашивают: «Вы с Терри [Пратчеттом] участвуете?» И мы говорим: «Нет!» Потому что мы хотим увидеть, что Терри Гиллиам собирается сделать. Мы написали книгу. Это Терри Гиллиам. Я очень рад увидеть все, что он делает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.